

Идиллия / новелла

Category: Nekaýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 23 января, 2025

Идиллия / новелла ИДИЛЛИЯ

Морису Лелуару.

Поезд только что покинул Геную и направился к Марселю, пробираясь вдоль скалистого берега, скользя железной змеей между морем и горами, проползая по желтому песку побережья, окаймленному серебряной нитью мелких волн, и проникая в черные пасти туннелей, словно зверь в нору.

В последнем вагоне поезда друг против друга сидели толстая женщина и молодой человек; они не разговаривали и лишь изредка бросали взгляды друг на друга. Ей было лет двадцать пять; сидя у дверцы, она смотрела на открывавшиеся перед ней вилы. Это была крепкая черноглазая пьемонтская крестьянка с огромной грудью и мясистыми щеками. Она задвинула несколько узелков под деревянную скамейку, оставив у себя на коленях корзину.

Ему было около двадцати лет, он был худой, смуглый, с тем темным загаром, какой бывает у людей, обрабатывающих землю на солнцепеке. Возле него в узелке лежало все его имущество: пара башмаков, рубашка, штаны и куртка. Он тоже спрятал под скамейку кое-что: лопатку и мотыгу, связанные вместе веревкой. Он ехал во Францию искать работы.

Солнце, подымаясь, изливало на берег потоки огня. Был конец мая, и в воздухе носился восхитительный аромат, проникая в вагоны сквозь опущенные окна. Цветущие апельсиновые и лимонные деревья изливали в спокойное небо свое сладкое благоухание, такое нежное, сильное, такое возбуждающее, и примешивали его к дыханию роз, которые росли повсюду, точно трава, — вдоль дороги в богатых садах, у дверей лачуг, а также в полях.

Здесь, этом побережье, розы у себя дома! Они наполняют страну сильным и нежным ароматом, они превращают воздух в лакомство, в нечто гораздо более вкусное, чем вино, и опьяняющее подобно ему.

Поезд шел медленно, словно желая подольше задержаться в этом саду, в этой неге. Он поминутно останавливался на маленьких станциях, перед кучкой белых домиков; затем, давая протяжный свисток, не спеша отправлялся дальше. Никто не садился в поезд. Казалось, все были охвачены дремотой и ни у кого не хватало решимости двинуться с места в это жаркое весеннее утро.

Толстая женщина время от времени закрывала глаза, затем быстро открывала их, когда ее корзинка, скользя с колен, готова была упасть на пол. Быстрым движением она подхватывала ее, несколько минут смотрела в окно, затем снова начинала дремать. Капли пота выступали у нее на лбу, и она дышала с трудом, точно ей мучительно теснило грудь.

Молодой человек, склонив голову, спал крепким сном деревенского жителя.

Когда поезд тронулся с одной маленькой станции, крестьянка вдруг проснулась и, открыв свою корзину, вынула оттуда кусок хлеба, крутые яйца, бутылочку с вином, сливы, превосходные красные сливы, и принялась за еду.

Мужчина тоже проснулся и смотрел на нее; он смотрел на каждый кусок, переходивший из корзинки в ее рот. Он сидел, скрестив руки, неподвижно устремив глаза; щеки у него были впалые, а губы плотно сжаты.

Она ела, как едят толстые жадные женщины, поминутно пропуская глоток вина, чтобы легче прошли яйца, и останавливаясь, чтобы слегка перевести дух.

Она уничтожила все – хлеб, яйца, сливы, вино. И как только она прикончила свой завтрак, юноша опять закрыл глаза. Чувствуя, что платье стало немного теснить, она распустила корсаж, и молодой человек снова взглянул на нее.

Она ничуть не смутилась этим и продолжала растегивать платье; под сильным напором ее груди ткань раздвинулась, обнаруживая между двумя краями, сквозь все увеличивающееся отверстие, немного белья и тела.

Крестьянка, почувствовав себя лучше, проговорила по-итальянски:

– Так жарко, что дышать невозможно.

Молодой человек ответил на том же языке и с тем же самым произношением:

– Для поездки погода хорошая.

Она спросила:

– Вы из Пьемонта?

– Я из Асти.

– А я из Казале.

Они оказались соседями. Завязался разговор.

Они пространно толковали об обыденных вещах, занимающих простолюдинов и вполне удовлетворяющих их ум, медлительный и лишенный кругозора. Они говорили о родных местах. У них были общие знакомые; они перечисляли имена, становясь друзьями по мере того, как открывали какое-нибудь новое лицо, известное им обоим. С их губ слетали быстрые, торопливые слова с звучными окончаниями и итальянской певучестью. Потом они осведомились друг о друге.

Она была замужем; у нее уже трое детей, оставшихся под присмотром сестры, так как сама она нашла себе место кормилицы, очень хорошее место у одной французской дамы из Марселя.

Он искал работы. Ему сказали, что он может найти ее тоже в Марселе, потому что там теперь много строили.

Затем они замолчали.

Изливаясь, как дождь на крыши вагонов, зной становился невыносимым. Облако пыли несло за поездом и проникало внутрь; аромат апельсиновых деревьев и роз становился все сильнее и как будто сгущался и тяжелел.

Оба пассажира снова заснули.

Они открыли глаза почти в одно и то же время. Солнце опускалось к морю, озаряя потоками света его голубую поверхность. Воздух посвежел и казался более легким.

Кормилица задыхалась; корсаж ее был расстегнут, щеки увяли, глаза потускнели; подавленным голосом она проговорила:

– Я не давала груди со вчерашнего дня; мне так дурно, словно я сейчас упаду без памяти.

Он не отвечал, не зная, что сказать. Она продолжала:

– Когда так много молока, как у меня, надо давать грудь три

раза в день, иначе чувствуешь себя плохо. Словно какая-то тяжесть давит на сердце, такая тяжесть, что трудно дышать и все члены ломит. Столько молока – это несчастье.

Он произнес:

– Да, это – несчастье. Это должно вас беспокоить. Подавленная и ослабевшая, она в самом деле казалась совершенно больной.

Она пробормотала:

– Стоит нажать немного, и молоко брызнет, как из фонтана. Это прямо любопытно видеть. Никто бы не поверил. В Казале все соседи приходили глазеть на меня.

Он сказал:

– Ну! В самом деле?

– Да, в самом деле. Я бы вас показала, но это нисколько мне не поможет. Таким манером много не сседишь.

И она умолкла.

Поезд задержался на какой-то станции. Возле решетки стояла женщина с плачущим ребенком на руках. Женщина была худа и одета в лохмотья.

Кормилица смотрела на нее. Голосом, полным сострадания, она произнесла:

– Вот нужду ее я могла бы облегчить. А малютка облегчил бы меня. Знаете, небогата ведь я, если бросила дом, всех родных и моего дорогого крошку, чтобы поступить на место; но я охотно отдала бы сейчас пять франков, чтобы заполучить этого ребенка на десять минут и дать ему грудь. Это успокоило бы и его и меня. Мне кажется, я бы воскресла.

Она опять замолчала. Затем несколько раз провела пылающей рукой по лбу, с которого струился пот, и простонала:

– Не могу больше терпеть. Кажется, сейчас умру. И бессознательным движением она совершенно распахнула платье.

Правая грудь, большая, вздутая, с коричневым соском, выступила наружу. Бедная женщина стонала:

– Ах, боже мой! Ах, боже мой! Что мне делать? Поезд снова тронулся и продолжал свой путь среди цветов, испускавших теперь, как всегда в теплые вечера, одуряющий аромат. Иногда в окно было видно рыбацью лодку, словно уснувшую на поверхности синего моря под неподвижным белым парусом; ее отражение в воде

казалось другой лодкой, опрокинутой вверх дном. Молодой человек смущенно пролепетал:

– Но... сударыня... я мог бы вас... вас облегчить.

Она ответила изнемогающим голосом:

– Да, пожалуйста. Вы мне окажете большую услугу. Я не могу больше выдержать, не могу.

Он встал перед ней на колени, а она наклонилась над ним и привычным движением кормилицы поднесла к его рту темный сосок груди. При движении, которое она сделала, взяв обеими руками грудь, чтобы протянуть ее этому человеку, капля молока показалась на соске. Он живо выпил ее, поймав губами тяжелую грудь, словно какой-то плод. И стал сосать жадно и равномерно. Он обхватил обеими руками талию женщины, сжимая ее, чтобы приблизить к себе, и пил медленными глотками, по-ребячьи двигая шеей.

Наконец она сказала:

– Для этой достаточно, берите теперь другую.

И он послушно взял другую.

Она положила обе руки ему на спину и теперь дышала свободно, с облегчением, наслаждаясь ароматом цветов и веянием ветерка, проникавшим в вагон благодаря движению поезда.

Она сказала:

– Здесь очень хорошо пахнет.

Он не ответил, продолжая пить из этого живого источника, закрыв глаза, словно для того, чтобы лучше распробовать вкус.

Но она тихонько отстранила его.

– Теперь довольно. Я чувствуя себя лучше. Это вернуло меня к жизни.

Он поднялся, отирая рукою рот. Засовывая снова в платье две живые фляги, вздувавшие ей корсаж, она сказала:

– Вы мне оказали громадную услугу. Я очень вам благодарна, сударь.

Он ответил с признательностью в голосе:

– Это я должен вас благодарить, сударыня: вот уже два дня, как я ничего не ел.

* * *

Напечатано в «Жиль Блас» 12 февраля 1884 года под псевдонимом Мофриньёз.

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 3. МП «Аурика», 1994

Перевод И. Смидович. *Hekaýalar*